

На правах рукописи

Крапивина Ксения Петровна

**ТЕКСТ ИНТЕРФЕЙСА ПРОГРАММНОГО СРЕДСТВА
В КОНТЕКСТЕ КОМПЬЮТЕРНО-ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ:
ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ**

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск – 2025

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Резанова Зоя Ивановна

Официальные оппоненты:

Ким Лидия Густовна, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет», институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, директор

Чернышова Татьяна Владимировна, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный университет», кафедра общей и прикладной филологии, литературы и русского языка, профессор

Морина Людмила Александровна, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный технический университет», кафедра филологии, доцент

Защита состоится 22 декабря 2025 г. в 12 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета «НИ ТГУ.5.9.03», созданного на базе филологического факультета федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (Научная библиотека ТГУ, малый конференц-зал).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ: <https://dissertations.tsu.ru/PublicApplications/Details/1c89c4c8-3967-42aa-8ea7-18b15f05e563>

Автореферат разослан « ____ » ноября 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Филь Юлия Вадимовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено коммуникативной, текстовой и дискурсивной природе интерфейсов программного обеспечения (ПО) в контексте коммуникации между разработчиками и пользователями.

Интерфейс ПО – его обращенное к пользователю «лицо» – представляет собой совокупность среды, средств и правил взаимодействия человека с машиной. Наибольшее распространение получил его «графический» вариант, задействующий как минимум две знаковые системы: визуальный код и естественный язык. Как продукт деятельности человека интерфейс не самостоятелен: он функционально «спаян» с процессами и процедурами ПО, а также с моделируемыми задачами, что на многие годы определило основной фокус его изучения – дизайн. Сложность используемого в нем кода привлекла внимание специалистов в области семиотики (Р. В. Andersen, С. S. De Souza, В. Л. Авербух, В. Н. Агеев, Л. М. Корпан, Н. А. Тарабанов, В. М. Цыбульский и др.), а интерактивная природа и присваиваемая интерфейсу агентность обусловили исследование социальных, философских, психологических и эргономических аспектов взаимодействия с ним (S. E. Engel, J. D. Foley, В. R. Gaines, R. E. Granda, S. J. Guastello, N. Klowait, P. Reid, V. L. Wallace, А. А. Деникин, У. С. Душина, М. А. Ерофеева, О. В. Зарапин, В. И. Игнатьев, Ю. Н. Косников, В. В. Муромцев, С. Ф. Сергеев и др.).

Вместе с тем интерфейс (в особенности для «desktopного» ПО) может включать сотни и тысячи текстовых единиц – от слов до межфразовых единств, которые могут быть скрыты до выполнения условий отображения, однако их состав, организация, правильность, уместность существенно влияют на безопасность, эффективность и комфортность работы с ПО («usability»). Это особенно верно для 1) новых пользователей, имеющих небогатый опыт работы с ПО и опирающихся только на свои языковые и читательские компетенции, 2) людей с когнитивными нарушениями, нейроотличных, а также (с учетом нарастания темпов старения населения) пожилого и старческого возраста. Потому в XXI веке в помощь дизайнеру появились «писатели интерфейсов»: UX-писатели и редакторы, где UX означает «user experience» – «пользовательский опыт». Ими был выработан ряд правил и рекомендаций к написанию отдельных элементов интерфейсов и их сочетаний. Однако эти рекомендации преимущественно доступны в профессиональных блогах, не всегда систематизированы и не охватывают весь текст интерфейса как семиотическое целое.

При этом рынок ПО непрерывно растет, доля его использования в профессиональной и досуговой деятельности увеличивается, набирает темп цифровизация в социальном секторе. В связи с диверсификацией пользователей и обращением при разработке к инструментам искусственного интеллекта вопрос о том, что делает интерфейс не набором элементов, которые можно в любом порядке расставить по экрану, а единым целым, становится особенно острым.

В современной антропоцентрической парадигме также уместно обращение к вопросам о том, что и как человек вкладывает в интерфейс, чтобы он был правильно интерпретирован другим человеком, в каких условиях это происходит, что общего между интерфейсами во всем их многообразии. Сложность и комплексность этих вопросов, их деятельностная природа определяют обращение к дискурсу.

В совокупности эти факторы определяют **актуальность** исследования.

Степень разработанности темы исследования

Несмотря на возрастающий интерес к интерфейсу ПО как к объекту исследования, в лингвистике его изучению посвящено сравнительно небольшое количество работ, а дискурсивные исследования отсутствуют. Исследователи обращаются к изучению отдельных аспектов: используемых терминов на материале французского (Е. А. Телятникова) и английского (В. П. Крупенева) языков, механизмов преодоления дефицита пространства диалогового окна (Н. Г. Максимова), принципов подбора лексики для разных рынков (J. Han et

al., M. Torro), лингвостилистической характеристики отдельных элементов (Й. Карапенчев). Важно отметить исследования О. В. Шурлиной, которая выявила специфику стиля и организации англоязычных справочных текстов, встроенных в ПО типа «веб-браузер», и выделила одноименный речевой жанр.

Идея рассматривать интерфейс в коммуникативном ключе как сообщение от человека к человеку была изложена Дж. Каммерсгаардом в 1985 г. в составе базовых подходов, определяющих приоритизацию задач при разработке ПО, и получила развитие в трудах К. де Соузы и др. Схожее понимание высказал Н. Крилли с коллегами в 2008 г., рассмотрев интерфейс наравне с прочими продуктами в контексте «дизайн-коммуникации». Внимание на то, что создание интерфейсов (например, для веб-сайтов) и просмотр их пользователем можно расценивать как коммуникацию, обращают и исследователи компьютерно-опосредованной коммуникации И. Н. Розина, В. В. Артюхин.

Наиболее близко к рассмотрению интерфейса как текста подходят в переводоведении (например, В. И. Нардюжев, Н. В. Тимко), поскольку его сложная структура, прагматика и (часто) недостаток контекста при переводе и адаптации ПО под локальные рынки («локализации») требуют от переводчиков задействования особых стратегий.

Однако свойства интерфейса как цельного результата текстовой деятельности и продукта связанного дискурса в лингвистике освещения пока не получили. На заполнение данной исследовательской лакуны направлено это исследование. При этом, в связи с многоаспектностью интерфейса как объекта, акцентируется аспект изучения интерфейса как текста, а не продукта дизайна или разработки.

Объектом исследования, таким образом, является текст интерфейса программного средства.

Предметом исследования выступает специфика дискурса интерфейсов программных средств, получающая отражение в текстах отдельных интерфейсов и обеспечивающая корректную интерпретацию сообщений пользователями.

Цель исследования – построение модели дискурса интерфейсов программных средств как текстов, выступающих сообщениями в коммуникации между разработчиками и пользователями.

Для достижения цели были решены следующие **задачи**.

1. Выявить специфику коммуникации посредством интерфейса на фоне других форм коммуникации, опосредованной электронными устройствами.
2. Охарактеризовать специфику текстуальности интерфейсов по сравнению с классическими текстами и гипертекстами.
3. Охарактеризовать адресанта и адресата текста интерфейса и способы их манифестации.
4. Выявить и классифицировать стратегии создания текста интерфейса.
5. Выявить типологические черты текста интерфейса.
6. Охарактеризовать интертекстуальные связи, в которые вступают тексты интерфейсов.
7. Построить модель дискурса интерфейсов.

Теоретическую основу исследования составили труды в следующих теоретических областях:

– теории семиотики и коммуникации (L. Bloomfield, É. Benveniste, H. Lasswell, C. Shannon, W. Weaver, N. Wiener, W. Schramm, J. Habermas, U. Eco, P. Grice, J. Dubois, М. М. Бахтин, Р. О. Якобсон, И. Левый, Ю. М. Лотман, Г. Г. Почепцов и др.), в том числе компьютерно-опосредованной (Л. Ю. Щипицина, И. Н. Розина, А. А. Баркович, О. И. Северская, З. И. Резанова, Н. А. Мишанкина, И. В. Тубалова и др.);

– теории текста (M. Halliday, R. De Beaugrand, W. Dressler, А. М. Пятигорский, М. М. Бахтин, И. Р. Гальперин, В. Е. Чернявская, Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюнова, И. Я. Чернухина, Н. С. Валгина, Н. С. Болотнова и др.), в том числе гипертекста (О. В. Дедова, С. А. Стройков, А. В. Прошина и др.), поликодовых текстов (Е. Е. Анисимова, И. В. Вашунина,

Е. Ф. Тарасов и др.) и межтекстового взаимодействия (G. Genette, Ю. Кристева, А. Вежбицка, М. В. Вербицкая, А. Г. Лошаков, Л. М. Майданова, В. А. Шаймиев и др.);

– теории дискурса (Т. van Dijk, W. Kintsch, M. Jørgensen, L. Phillips, Н. Ф. Алефиренко, А. А. Кибрик, В. И. Карасик, З. И. Резанова, И. В. Тубалова, Н. А. Мишанкина и др.).

Базовой парадигмой исследования является коммуникативно-прагматическая.

Эмпирической базой исследования послужили тексты интерфейсов ПО функционального ряда «текстовые редакторы» с функцией «редактора кода»: EmEditor 21.2.1 (2021, Free), Notepad++ 7.9.4 (2021), KeyPad+ 5.5.3 (2015) и Joe's Own Editor 4.6 (2018), эксплуатационная документация к ним, а также статьи из блогов UX-писателей за 2023–2024 гг. Выбор материала продиктован общностью моделируемой в указанных приложениях предметной деятельности, широтой аудитории, структурно-содержательной общностью с широким рядом ПО другого типа (а значит, высокой прототипичностью), свободной моделью распространения, разнообразием по параметрам адресантов, а также разным уровнем специализированности (для изучения периферийных явлений). Объем обработанного текстового материала составляет 19 625 слов и цифробуквенных сочетаний (4789 элементов).

Методы исследования

Вербальное содержимое («строки») интерфейсов было извлечено из языковых файлов ПО и предобработано. На всех этапах исследования применялись методы сопоставительного анализа, мысленного эксперимента и коммуникативно-прагматического анализа. Для выявления единиц текста интерфейса, их семантики, прагматики, парадигматики и синтагматики, а также точек начала и конца применялись структурный, семиотический и контекстологический методы. Для решения задач 2–4 и 6 применялись элементы контент- и стилостатистического анализа. Дополнительно применялись методы праксеологического анализа (задача 4) и метод оценки степени аппроксимации (задача 6). Для составления базовой описательной статистики использовался инструмент Voyant Tools. На заключительном этапе был применен метод моделирования.

Научная новизна работы заключается в следующем.

– Интерфейс рассмотрен с позиций теории текста. Выявлены его ключевые отличия от прототипических текстов и гипертекстов. Введено понятие «интерфейсный текст».

– Охарактеризованы сходство и различия текста интерфейса с текстами других форм компьютерно-опосредованной коммуникации с учетом общности канала коммуникации.

– Описана специфика субъектности и адресатности текста интерфейса.

– На материале профессиональных блогов сформулированы и охарактеризованы стратегии создания текстов интерфейсов, влияющие на формирование дискурсивного стиля.

– Охарактеризованы интертекстуальные связи между текстами интерфейсов и эксплуатационной документацией (файлами «Справки» и руководствами пользователя).

– Проведена типологическая параллель между текстами интерфейсов и документными текстами.

Теоретическая значимость исследования

Работа вносит вклад в развитие теории текста, теории дискурса, изучения компьютерно-опосредованной коммуникации и концепции интертекстуальности.

Исследование позволяет дополнить парадигму текстов ранее не исследованным типом текста – «интерфейсным текстом», отличающимся от прототипических единиц динамической ограниченно-гипертекстовой организацией, ограниченной интерактивностью, неполнотой использования средств связности и креолизацией в очень сильной позиции.

Понимание механизмов связности текста обогащено понятием «креолизованной когезии», компенсирующей недостаток синтагматической связности, что релевантно для дальнейшего изучения поликодовых текстов.

Введено понятие «инструментальности» текста, характеризующей текст как инструмент

для решения задач, что может послужить основой для изучения других типов специальных текстов (например, инструкций по применению).

Дается характеристика проявления документности в тексте интерфейса, что может быть полезно для дальнейшего изучения электронных документов.

Парадигмы вторичных текстов, мета- и паратекстов дополнены сопроводительной (эксплуатационной) документацией. Предложено функционально-темпоральное основание для дифференцирования метатекстов и паратекстов.

Развитие идей полифонического текста и стабилизирующей функции дискурса вносит вклад в теорию дискурса. В соответствии с антропоцентрической парадигмой на первый план выведен адресант текста интерфейса (в противовес концепции человеко-машинной коммуникации).

В рамках коммуникативной и дискурсивной теорий предложено инструментально-функциональное основание для разделения речевых, коммуникативных и дискурсивных стратегий.

Понимание влияния канала компьютерно-опосредованной коммуникации на создание текста расширено ситуационным фактором, в котором создаваемый текст является или может являться частью канала (и источником шума) для других актов коммуникации.

Результаты исследования могут быть использованы как основа для дальнейшего изучения интерфейсов ПО и поликодовых и документных текстов.

Практическая значимость

Результаты исследования могут использоваться для совершенствования подходов к созданию и переводу текстов интерфейсов и связанной документации для повышения их человекоцентричности, связности и интуитивности, а также для разработки и корректировки содержания дисциплин «Дизайн интерфейса», «Продуктовый дизайн», «Локализация программного обеспечения» и «Техническое письмо» для бакалавров и магистров гуманитарного и технического профилей, а также курсов профессиональной переподготовки.

Достоверность результатов исследования обеспечивается применением комплекса апробированных научных методов, аргументированностью выборки материала и качественным характером осуществленного анализа с опорой на авторитетные научные работы.

Положения, выносимые на защиту

1. Интерфейс программного средства реализует особый тип текста – интерфейсный текст, обладающий цельностью, логической и тематической связностью и отличающийся ограниченной по параметрам направленности, конечности, интерактивности и произвольности гипертекстовой организацией, ограниченной динамичностью, а также высокой креолизацией в доминирующей позиции. Для текста интерфейса характерны функционально-графическое маркирование начала и конца, два вектора чтения, дополнительный графический план связности, отказ от референции, субституции и, частично, эллипсиса и баланс тенденций к компрессии и информационной избыточности, выражающийся в системах внутри- и межсемиотического дублирования информации.

2. Ключевой характеристикой текста интерфейса является инструментальность, заключающаяся в абсолютном приоритете функциональности текста как инструмента для решения задач над другими его аспектами и проявляющаяся в отклонениях от свойств, проявляемых прототипическими формами текста и гипертекста: реализации «интерфейсного» типа текста на уровне поверхностной структуры, специфическим синтаксисом и «отрицательной» экспликацией коммуникантов.

3. Текст интерфейса обладает свойством документности, проявляющейся в его структурности (внешней регламентированности формы и содержания, наличии реквизитов, дробности и прагматической обусловленности членения, алгоритмичности), системности (объединении в функциональные ряды по назначению, ситуации использования и т. д.), информативности и прескриптивности, информационной насыщенности, информативной

избыточности и прагматических установках объективности, точности, ясности, лаконичности, нейтральности и бессубъектности.

4. Текст интерфейса полифоничен. Он как осознанно, так и неосознанно создан по образцам уже существующих интерфейсов, использует общую с ними лексику и метафоры, что, во-первых, позволяет снизить когнитивную нагрузку на пользователей и задействовать механизмы антиципации, во-вторых, обеспечивает корректную идентификацию и интерпретацию текстов пользователями и, в-третьих, обеспечивает стабильность дискурса интерфейсов.

5. Текст интерфейса функционирует в единстве с эксплуатационной документацией (встроенной «Справкой» и руководствами пользователя). Эксплуатационные документы (или «документы пользователя») являются вторичными по отношению к текстам интерфейсов и выполняют мета- и паратекстовые функции, управляя отношением к ним, направляя их интерпретацию и «разворачивая» имплицитное содержание.

6. Текст интерфейса порождается и функционирует в условиях компьютерно-опосредованной коммуникации во взаимодействии дискурса моделируемого фрагмента предметной сферы и связанной с ней деятельности, определяющего набор тем, информационное содержание, состав метафор и параметры целевой аудитории, и дискурса интерфейсов как инструментов для выполнения задач, отличающегося прагматическими установками функциональности, информативности и прескриптивности; «отрицательной» экспликацией коммуникантов; задействованием стратегий достижения ясности/четкости/понятности, последовательности, непротиворечивости, управления вниманием и когнитивной нагрузкой адресата.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были представлены в 5 докладах на 5 международных научных конференциях и семинарах: Международная научная конференция «Современная лингвистика: от теории к практике» в рамках III Казанского международного лингвистического саммита (KILS-2022) (14–19 ноября 2022 г., г. Казань); Международный научно-практический семинар «Экспериментальные исследования языка и речи» (E-SoLaS-2022, E-SoLaS-2023) (25 октября 2022 г. и 16 октября 2023 г., г. Томск); X (XXIV) Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (АПЛиЛ-2023) (13–15 апреля 2023 г.); XXVI Научная конференция в рамках Международного Балтийского коммуникационного форума в Санкт-Петербургском государственном университете телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (06–07.12.2024, СПб, Россия).

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы. Работа содержит 23 рисунка и 5 таблиц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснованы выбор темы, актуальность и научная новизна работы, ее теоретическая и практическая значимость, приведен научный контекст, определены объект и предмет исследования, установлены его цель и задачи, охарактеризован материал, методы и теоретическая база исследования, а также сформулированы положения, выносимые на защиту.

В **главе 1 «Интерфейс как объект лингвистических исследований»** изложены концептуальные основания работы. Обосновано обращение к комплексному междисциплинарному подходу, рассмотрена специфика интерфейса как объекта исследования с взаимодополняющих позиций теорий коммуникации, текста и дискурса, сформирована теоретическая рамка анализа.

В **разделе 1.1** приведены основные релевантные положения теории коммуникации и охарактеризованы компоненты коммуникативного акта применительно к реализации в электронной среде.

В подразделе 1.1.1 рассмотрены применимые модели коммуникации Л. Блумфилда, Н. Винера, Г. Лассуэлла, Ч. Осгуда и У. Шрамма, К. Шеннона и У. Уивера, Р. О. Якобсона, а также проблема неэквивалентности кода (У. Есо, Н. И. Жинкин, Ю. М. Лотман, Р. О. Якобсон), понятия канала (J. Levy, Р. О. Якобсон) и шума, в т. ч. семантического (W. Weaver), концепция семиотического контекста Ю. М. Лотмана, «модель понимания» Т. ван Дейка и В. Кинча, концепции контакта (J. Habermas, Р. О. Якобсон), кооперации (G. Grice, J. Leech, М. М. Бахтин) и обратной связи (W. Schramm).

На основе трудов Л. Блумфилда, Э. Бенвениста, Г. Лассуэлла, У. Уивера, В. М. Березина и Г. Г. Почепцова рассмотрена применимость к интерфейсам понимания коммуникации как интенционального воздействия и модель «компьютер – коммуникативная среда» (P. Andersen, J. Kammergaard), в которой ПО выступает как средство формулирования сообщения от разработчиков пользователям с целью изменения их ментальных моделей, сформировавшихся на основе опыта, знаний и ожиданий от продукта, а интерфейс (диалоги, окна и подсказки) – как «аватар», которому разработчик делегирует коммуникативные функции (C. S. De Souza). С опорой на работы В. Н. Агеева и Н. Крилли отмечена артефактная природа интерфейса как части сложного канала передачи сообщения, задающего не только ограничения и возможности, но и его логику с учетом логики ПО. Обоснована необходимость обращения авторов интерфейсов к дополнительным механизмам разрешения несовпадения кода (прогнозирование характеристик коммуникантов, учет контекста, моделирование условий понимания, создание дополнительных каналов коммуникации и петель обратной связи) с учетом его сложности и информационного дефицита в коммуникации опосредованно интерфейсом, а также важность осознания коммуникантами друг друга и общей цели, общей установки на взаимопонимание и успех.

В подразделе 1.1.2 с опорой на работы И. С. Алексеенко и О. О. Гукосьянц, А. А. Барковича, Н. А. Мишанкиной, З. И. Резановой, Э. В. Тимираевой, И. В. Тубаловой, Л. Ю. Щипициной и др. рассмотрены релевантные для интерфейсов характеристики компьютерно-опосредованной коммуникации (КОК): сопряжение виртуального и редуцированного реального хронотопов, специфика самопрезентации коммуникантов (отбор ими транслируемых характеристик своей реальности, зависимость от субканала, креолизованный набор средств этой презентации); смешение синхронного и асинхронного типа коммуникации и связанная с ним устно-письменная гибридность (отклонения от норм письменного языка, гибридизация семиотических систем, возможность ретроспективного движения по диалогу); вариативность и непрогнозируемость состава участников коммуникации, а также наличие информационного шума (в т. ч. от других субканалов), возможность разрыва канала и ошибок на этапе перекодирования «текст $\langle \rangle$ сигнал».

Описано место интерфейса в КОК как части канала/субканала коммуникации и неосознаваемого участника типовой КОК. Сделано заключение, что текст интерфейса (ТИ) обладает базовыми коммуникативными характеристиками сообщения в КОК: передан в цельном виде и в одном акте коммуникации, использует тот же канал и код, создан адресантами, манифестирующимися вербальными и паравербальными средствами, для вариативного количества адресатов, а также подвержен тому же шуму.

Раздел 1.2 посвящен рассмотрению интерфейса как текста в узком понимании.

В подразделе 1.2.1 дан обзор подходов к пониманию текста как объекта исследования и взаимосвязи между категориями текста и критериями разрешения оппозиции «текст – не текст» (T. van Dijk, W. Dressler и R. De Beaugrande, M. Halliday, Н. Ф. Алефиренко, А. Ю. Арутюнова, М. М. Бахтин, Н. С. Болотнова, Н. С. Валгина, В. И. Карасик, М. Н. Кожина, О. Н. Копытов, Т. В. Матвеева, А. Ф. Папина, А. М. Пятигорский, И. Я. Чернухина, В. Е. Чернявская и др.).

Вслед за И. Р. Гальпериным, Т. В. Матвеевой и И. Я. Чернухиной, высказано мнение, что признаки (в другой терминологии – критерии) текста отражают его вариативно проявляющиеся свойства, а категории представляют собой более высокие формы абстракции. В качестве

ключевых коммуникативно-прагматических свойств текста выведены интенциональность (обобщающая категории Адресанта и Адресата), информативность, асимметричное свойство связности (в плане выражения и содержания), а также связанные с ней моделирование хронотопа, членимость и завершенность. Отмечена факультативность свойств связности в плане выражения (когезии), членимости и завершенности, что позволяет включить в парадигму текстов неклассические формы, в т. ч. ТИ.

Применительно к ТИ рассмотрение когезии и завершенности затруднено сложностью структурно-формальной организации, однако, как было отмечено Р. Джейкобом, действия с элементами интерфейса можно рассматривать как коммуникативные акты, объединенные темами, микротемами и модусом и в совокупности создающие контекст выполненных и доступных действий.

В подразделе 1.2.2 изложены ключевые особенности гипертекстовой и поликодовой организации электронных текстов.

На основе обзора работ Т. Нельсона, Я. Галло, О. М. Воевудской, О. В. Дедовой, О. В. Лутовиновой, А. В. Прошиной, С. А. Стройкова и др. в качестве базовых черт гипертекста как набора семиотических объектов, связанных гиперссылками, выделены субъективная линейность (в т. ч. возможность пропуска объектов), интерактивность (для движения по тексту требуется активация гиперссылок), субъективная завершенность и когерентность, дисперсный характер членимости (тип, количество, размер объектов и их удаленность потенциально безграничны, а связь между ними может быть не формализована), субъективная тематическая и пространственно-временная централизация и утеря авторства (выбирая маршрут, читатель формирует свой собственный текст; интенции адресантов могут вступать в противоречие и в целом не считываться адресатом). Отмечены недостатки типового гипертекста: утрата адресантом контроля над большинством свойств текста, невозможность направлять интерпретацию, слабая прогнозируемость адресатом, затрудненность ретроспективного движения и поддержания континуума.

Поскольку объекты гипертекста могут иметь разную природу, т. е. имеет место семантико-прагматическое взаимодействие вербального и невербального компонентов, рассмотрены ключевые характеристики креолизованных текстов: полнота креолизации, степень автономности и отношения между компонентами (по работам Е. Е. Анисимовой и Е. Ф. Тарасова) и градации их смыслообразительной способности (в интерпретации И. В. Вашуниной). При этом к невербальным компонентам отнесены не только изображения и медиаобъекты, но все графические средства приращения смысла: шрифтовые характеристики, черты, рамки, пустые пространства.

Отмечено, что, несмотря на общие с текстами КОК характеристики канала, задействование невербальных средств (собственно иконические знаки, символы с общекультурным значением, символы с присваиваемым значением, пространственные знаки, в т. ч. пространство, отводимое для элемента) и внешне схожую гипертекстовую организацию (каждый элемент-кнопка является ссылкой к другому элементу), ТИ не демонстрируют всех характеристик и недостатков гипертекстовой организации.

В продолжение речи о «непрерывной системе связанных документов» (Т. Nelson) в подразделе 1.2.3 на основе работ М. М. Бахтина, А. Вежбицкой, М. В. Вербицкой, Ж. Женетта, Ю. Кристевой, А. Г. Лошакова, Л. М. Майдановой, В. А. Шаймиева и др. рассмотрены концепции диалогичности текстов, их вторичности и интертекстуальности, согласно которым тексты могут объединяться в прагматически обусловленные, формализованные сверткесты, обладающие тематической и модальной когерентностью и общностью коммуникативной рамки, а также сопровождаться вторичными текстами адаптивного (содержательная/формальная перестройка), рефлексивного (метатексты) и предваряющего (паратексты) характера, образующие вокруг текста коммуникативно-прагматическую рамку для управления его интерпретацией.

При этом компоненты сверттекста, как правило, являются равноправными автономными законченными семиотическими единствами, проявляют и индивидуальные системные свойства, и свойства как части целого, а также, согласно Н. А. Купиной и Г. В. Битенской, имеют темпоральную и локальную общность. В то же время, вторичные тексты (т. е. связанные деривационными отношениями, частично тождественные, но имеющие разную функционально-семантическую сложность, содержательную доминанту и прагматическую направленность) могут обладать внешней автономностью, но их интерпретация в большей или меньшей степени зависима от исходного текста.

Изложено мнение, что «служебные» их формы – метатексты и паратексты – равно проявляют несамостоятельность и мотивированность исходным текстом, но имеют разные функциональные доминанты (функции «уточнения кода» и «воздействия» соответственно) и (потенциально) темпоральные характеристики (паратексты могут предшествовать текстам, не являясь в полной мере их рефлексией).

Как выход на «надтекстовый» уровень, в **разделе 1.3** рассмотрены аспекты теории дискурса применительно к интерфейсам в рамках коммуникативно-прагматического подхода.

В **подразделе 1.3.1** дан обзор подходов к трактовке понятия «дискурс» (G. Bateson, E. Buysens, T. van Dijk, J. Dubois, M. Foucault, N. Fairclough, J. Habermas, Z. Harris, L. Phillips и M. Jørgensen, P. Sériot, Н. Д. Арутюнова, Л. А. Борботько, А. А. Кибрик, Е. С. Кубрякова, Н. А. Мишанкина и др.). Принята трактовка дискурса как коммуникативно-прагматического пространства текстов: «синергии» текста с действительностью, другими текстами и сознанием читателя (Н. Ф. Алефиренко); корпуса семантически, коммуникативно, функционально, прагматически и контекстуально связанных текстов (D. Busse и W. Teubert), каждый из которых, в свою очередь, может быть частью нескольких дискурсов (M. Jung, M. Pêcheux).

Наиболее продуктивным основанием для противопоставления дискурса и текста названа оппозиция процесса и искусственно фиксируемого результата, поскольку практики создания текстов в электронной среде размывают границы статичности/динамичности: тексты могут конвертироваться, редактироваться до и после публикации без ведома адресата. Крупные формы текстов также не могут быть ни одномоментно созданы, ни интерпретированы, т. е. разворачиваются во времени. При этом комбинация уже созданных/прочитанных фрагментов текста становится опорой для создания/интерпретации последующих, что особенно верно для «пошаговых» текстов, имеющих скрытую диалогичность.

Ключевой ролью дискурса, в согласии с трактовкой И. П. Ильина, названа регуляция (поддержание стабильного общего контекста для адресанта и адресата) и саморегуляция посредством порождения текстов (текст как «перешеек» в «песочных часах» непрерывного процесса текстопорождения и интерпретации в рамках дискурса). Изложена идея взаимовлияния текста и дискурса: текст, изъятый из исходной среды и помещенный в среду другую, может интерпретироваться таким образом, что породит тексты нового связанного дискурса или станет толчком для развития дискурса, в котором он интерпретирован.

Осмыслены положения концепции текстовой полифонии, разрабатываемой И. В. Тубаловой: способа производства и восприятия текста с осознанным/неосознанным обращением к текстам (или дискурсивной области), созданным до текущей конкретно-ситуативной реализации и выступающим опорными образцами для интерпретации за счет особого дискурсивного стиля. Отмечена роль полифонии в разрешении коммуникативных несостыковок между сказанным и имеющимся в виду (как следствия избыточности языка и, по М. Йоргенсен, конфликта дискурсов), а также понимании того, что не сказано и может быть восстановлено только из дискурса, особенно важном для ТИ ввиду их сложной, дробной, динамической формы.

В **подразделе 1.3.2** на основе работ Т. ван Дейка, П. Стросона, О. С. Иссерс А. А. Романова охарактеризовано понятие коммуникативной стратегии, а также роль стратегий для реализации механизма антиципации, построения гипотез о возможном значении и

назначении текста. Предложено понимание дискурсивной стратегии как стратегии, направленной на идентификацию дискурса (по Дж. Гумперцу: схемы, в рамках которой адресат будет выбирать смыслы), т. е. реализующей регулирующую, стабилизирующую функцию дискурса.

Отмечено, что дискурсивные стратегии имеют особое значение в опосредованной коммуникации: ввиду невозможности прямой кооперации, смыслы и интенции не только должны быть заложены в текст, но и в достаточной мере идентифицированы. Изложен рекурсивный кооперативный принцип, в котором адресанты в опосредованной коммуникации формируют интенции с учетом предположений об их предположении адресатами, а адресаты могут предполагать, что интенции адресантов были предназначены для предположения.

В главе 2 «Отличительные черты дискурса интерфейсов и его компонентов» охарактеризованы черты дискурса интерфейсов, описаны его компоненты и их специфика.

В разделе 2.1 рассмотрены основания выделения текстов интерфейсов (ТИ) среди прочих электронных текстов.

ТИ имеют общие с текстами компьютерно-опосредованной коммуникации (КОК) обусловленные каналом черты (методы ввода/вывода; способ производства; репертуар семиотических средств; подверженность общему шуму, в т. ч. от других текстов; схожие параметры коммуникантов), а также (как и тексты отдельных форм КОК) два вида представления: сверстанный и собственно-текстовый («строки»). Однако в ТИ моделируется синхронное общение, применяются другие методы адресации и самопрезентации, ограничены возможности движения по гиперссылкам, а набор средств преодоления ограничений экрана на этапе текстопорождения расширен, и, что наиболее важно, ТИ артефактен и утрачивает значительную долю связности, смыслы и прагматическую ценность в несверстанном виде и в отрыве от заданной ПО логики функционирования.

В качестве ведущего дифференцирующего фактора выведено **назначение** ТИ, определяющее его форму, содержание, специфику проявления адресанта, адресата и применяемых стратегий.

В разделе 2.2 ТИ рассмотрен как средство исполнения социального заказа, инструмент для осуществления или оптимизации деятельности человека. Назначение ТИ разложено на три принципиальных взаимодополняющих компонента.

1. Функция моделирования фрагмента действительности, организующейся вокруг целевой деятельности. Они определяют макротему и композиционно-содержательную организацию ТИ.

2. Функция информирования, реализующаяся в передаче достаточной для решения задачи адресата экспертной фактуальной и концептуальной информации о возможностях ПО и его отдельных компонентов, способах выполнения операций, связях между объектами, их характеристиках, текущем или будущем состоянии ПО, файла или конкретной операции, причинах/последствиях действий и т. п. Информативность ТИ также проявляется в его структуре: организация элементов на экране несет информацию о возможных (для пользователей, впервые приступающих к решению смоделированного типа задач) и (имплицитно) о недоступных видах действий (для пользователей, знакомых с репертуаром действий в рамках предметной деятельности), их составе и последовательности (главное меню интерфейса выступает аналогом «оглавления» текста). При этом степень информативности текста зависит от конкретной ситуации и компетенций адресатов, но для некоей их подгруппы вся информация будет новой при первом обращении к ПО.

3. Прескриптивно-регулятивная функция: передача только информации, необходимой для решения задачи или разрешения возникшей ситуации, во избежание неверной интерпретации текста / неадекватной реакции. ТИ моделирует эффективные и безопасные рабочие процессы и направляет по ним пользователя прямыми указаниями в повелительном наклонении, констатацией фактов с семантикой долженствования или

возможности/невозможности, а также (имплицитно) расположением текстовых элементов согласно логике выполнения задач. Функцию регулирования выполняют также интерактивные элементы, моделирующие ответ пользователя.

В разделе 2.3 рассмотрена обусловленная назначением специфика манифестации коммуникантов в ТИ.

Коммуникация посредством интерфейса дистантна, асинхронна и имеет ретиальный характер, т. е. ТИ предназначен множеству заранее не идентифицированных адресатов. Физическая рассредоточенность коммуникантов частично компенсируется самопрезентацией и обменом информацией по сторонним каналам (и для адресатов, и для адресантов), но такая метакоммуникация вторична, и в чистом виде коммуникацию посредством интерфейса отличает дефицит информации о личности, интенциях и компетенциях «собеседников».

Такая неопределенность частично снимается со стороны адресанта исследованием целевой аудитории, а со стороны адресата – за счет понимания назначения ТИ, а также осознания общей с адресантом цели – успешного выполнения задач с помощью продукта. Понимание такой обоюдной бенефактивности может обеспечиваться как транслированием адресантами преимуществ ПО по сторонним каналам, так и в самом ТИ: путем отражения целей, моделирования действий и их результатов в его структуре и сообщениях.

Но, поскольку ТИ является инструментом, самопрезентация коммуникантов не значима и может стать источником информационного шума. Вместо этого они представлены редуцированными моделями, в ядре которых – интенции и связанные с ними роли, и ограничены в средствах экспликации, моделируя общение «один на один» с ПО.

В подразделе 2.3.1 конкретизирована специфика проявления субъектности в ТИ.

Адресант ТИ охарактеризован как составной: группа лиц разного уровня вовлеченности и состава по ходу жизненного цикла ТИ (хотя развитие и доступность средств разработки допускают также индивидуальное авторство). Наибольшая его экспликация возможна в элементах, сообщающих сведения о правообладателе, версии ПО и т. п. (например, в элементе «*About*»), и в связанных текстах (эксплуатационной документации, гарантийных соглашениях, политиках использования данных и т. д.), которые могут быть частью интерфейса, но вне них адресант, как правило, маркирован нулевым способом: отсутствием местоимений 1-го лица в единственном и множественном числе, преобладанием безличных конструкций и форм глаголов, делегированием роли субъекта ПО (например, «*Found the 1st occurrence from the top*»), отсутствием существительных с семантикой лица (*company, corporation, developer* и т. д.), отсутствием глаголов и глагольных конструкции с семантикой модальности адресанта¹. ТИ отличает эмоциональная нейтральность и относительная безоценочность: часть используемой лексики может рассматриваться как оценочная (оппозиции *correct/incorrect, valid/invalid, complete/incomplete, compatible/incompatible, supported/unsupported, success/fail* и др.; существительные с семантикой ошибки/нарушения: *error, violation* и др.; глаголы с семантикой «восстановления»: *repair, recover, restore* и др.)².

Таким образом, субъектность ТИ «отрицательна»: во избежание информационного шума модель взаимодействия отодвигает адресанта на второй план, «скрывает его», оставляя только имплицитные проявления его экспертной роли.

Далее в подразделе 2.3.2 охарактеризованы специфика адресатности ТИ.

Модель взаимодействия, а также информативность и регулятивность ТИ имплицитно задают адресата как потребителя информации и исполнителя указаний. На этапе порождения текста он виртуален и представлен моделью с высокой степенью обобщения, ключевыми параметрами которой выступают цели, задачи и возможности (физические, когнитивные,

¹ Возможны исключения для ситуаций, находящихся вне моделируемой предметной деятельности (установка ПО, неожиданная остановка и т. д.).

² Возможны и более яркие единичные проявления коммуникативных стратегий / индивидуальности авторов («*It seems you still use a prehistoric system. This feature works only on a modern system, sorry.*»).

компентентностные). На ее основе совместно с предположениями о сформированных предыдущим опытом прекоцепциях производится отбор языковых и графических средств. Таким образом, адресатность в ТИ имплицитно проявляется в степени его сложности (лексики, синтаксиса) и составе метафор и может маркироваться наличием/отсутствием пояснений. Возможно также маркирование местоимениями 2-го лица и глаголами и глагольными конструкциями с семантикой модальности адресата («*How do you want to view the Help?*», «*Are you sure you want to delete this shortcut?*») и (косвенно) прилагательным «*custom*» (настроенный «под себя»). Однако использование имен существительных и прилагательных в функции обращения и в целом называние адресата ограничены, например существительное «user», как правило, используется только в сложных прилагательных со значением притяжательности («*User-Defined*») и в определениях, выраженных существительными («*User Menu*») ³.

В следующем **подразделе 2.3.3** сформулированы стратегии создания ТИ, обобщенные по материалам статей из блогов профессиональных UX-писателей.

ТИ предстает продуктом целенаправленной текстовой деятельности, преследующей макроцели достижения успешности продукта и бренда, невозможных без реализации функциональной сущности продукта, удержания внимания и стимуляции вовлеченности адресата, установления с ним эмоционального контакта, а также создания видимости общения «один на один». Выделены семантическая стратегия донесения и прагматические стратегии языковой экономии, установления/поддержания контакта и инклюзии, включающие как текстовые языковые и паралингвистические приемы, так и внетекстовые: изучение контекста применения продукта / решения задачи, изучение текстов прочих интерфейсов, оценку гендерного, культурного, расового и этнического разнообразия аудитории и ее возможностей, проведение тестов и анализ обратной связи, перевод на другие языки. Среди текстовых приемов выделены собственно речевые (использование простого и ясного языка, позитивного и дружелюбного тона, сокращение без потери смысла) и паралингвистические (порционирование и форматирование текста, дублирование знаками, выведение важного в начало, поддерживание единообразия).

Прослежена связь выявленных стратегий и приемов с более ранними рекомендациями по созданию ТИ, в частности с руководством Р. Харриса 1990 г., и высказано наблюдение, что, несмотря на вариативность реализации в продуктах, устойчивость описанных стратегий в рецепции UX-писателей говорит о наличии особого дискурсивного стиля, выделяющего ТИ среди других типов текста.

Следующий **раздел 2.4** посвящен аспектам структурной организации ТИ. Продемонстрировано, что текстуальность ТИ проявляется частично или нетрадиционным образом ⁴.

В **подразделе 2.4.1** описана специфическая реализация хронотопа ТИ: погружение адресата в моделируемое пространство и движение времени по ходу выполнения задач. Пространством ТИ выступают доступные в нем объекты и инструменты, преимущественно выраженные визуальными (рабочая область, «иконки») и вербальными (имена существительные, глаголы) метафоро-метонимическими образованиями – проекциями соответствующих объектов и инструментов моделируемой деятельности. При этом ТИ предполагает чтение и интерпретацию каждого элемента в момент выполнения задачи, т. е. в «настоящем» адресата. В этот момент все прочие пространственные характеристики и условия не релевантны и «стираются», чему способствует «отрицательная» субъектность и адресатность. Это отражается в преобладании номинативных предложений и форм настоящего простого и длительного времени («*Incorrect spelling*», «*Screen update uses tabs*», «*Splitting now*»). При этом

³ Исключением является упоминание адресата и его обстоятельств в сообщениях, не имеющих отношения к базовой функции ПО («*Purchase required. Users in corporate, government, and other offices must select this option*»).

⁴ Это не противоречит современным представлениям о ее градуальности и различной выраженности и значимости ее критериев в разных типах текста.

выбор точки отсчета и маршрут движения про- и ретроспективно по тексту задаются рабочими процессами и управляются на уровне формального текстопостроения.

В подразделе 2.4.2 изложено функциональное обоснование соответствия ТИ критерию формально-структурной завершенности. Помимо абсолютных границ активного ПО (рамки окна), отделяющих ТИ от прочих текстов на экране, типовой ТИ имеет стабильные обусловленные назначением начало, выполняющее задачу информирования об исходных параметрах моделируемой деятельности и коммуникативной ситуации, и две (сообразно двум векторам чтения) точки конца, маркирующие завершение работы с ПО. При этом абсолютным началом текста называется первый (в зависимости от направления скрипта) текстовый/графический элемент главного меню главной страницы как содержательно-стабильного центра интерфейса, из которого пользователь инициирует операции. Прочие возможные точки начала (при первом запуске, запуске после сбоя и т. д.) можно считать началом служебных ситуационно-обусловленных и инициируемых ПО подтекстов.

В подразделе 2.4.3 описаны отличительные особенности порционирования ТИ: два уровня членения (на формально-синтаксическом, синтагматическом – элементы и креолизованные функциональные блоки с гипертекстовой связностью, на собственно синтаксическом – «строки» от одного слова до комплекса предложений), наличие как дистантной, так и контактной связи, вычленение элементов графическим способом (рамками, капитализацией, ограничением на количество символов и т. д.), деление на динамические комбинации временно фиксируемых «страниц», состоящих из активированного элемента и контекста из неактивируемых и неактивированных элементов.

В подразделе 2.4.4 описаны механизмы обеспечения связности ТИ в плане выражения.

Для ТИ характерна ограниченно-гипертекстовая динамическая организация: в нем сохраняются преимущества гипертекстовой структуры, позволяющие компактно и функционально организовать большое количество текстовых элементов различного размера, но предупреждается непредсказуемость, риск дезориентации, композиционная нестабильность и потенциальная вариативность интерпретации. Гипертекст ТИ имеет ветвящуюся структуру с вектором в «виртуальной плоскости» («в глубину»), организованную согласно логике выполнения задач и однонаправленно. Непрерывность обеспечивается постоянно отображаемым контекстом и указателями направления, а стабильность центра – механизмом возврата системы к главной странице.

Элементы ТИ также связаны средствами графической и структурно-пространственной конъюнкции/дизъюнкции и организованы по аналитическому принципу, при этом синтагматические отношения могут выстраиваться линейно в плоскости экрана или последовательно – в виртуальной. Линейная связь осуществляется соположением связанных общей семантикой элементов одного уровня, подкрепляемым графически по правилам «хорошей формы» (М. Вертгеймер): замкнутости (с помощью черт и рамок), продолжения (с помощью троеточий и стрелок), близости и симметрии (общность и регулярность расстояний), а также сходства (шрифта/цвета/выравнивания). Последовательный тип связи устанавливается отношениями причины и следствия, условий и цели (по аналогии с придаточными причины, условия и цели в традиционном тексте): раскрывающиеся элементы интерфейса семантически зависят друг от друга как в прямом направлении (катафора), так и в обратном (анафора). Эта связь также маркируется графически путем выделения и фиксации на экране соответствующей «страницы».

На уровне «строк» когезию обеспечивают полные тождественные лексические и фразовые повторы (в т. ч. полные цитирования текста других элементов), частичные лексико-семантические повторы (как правило, образованные субстантивацией и адъективацией); использование параллельных синтаксических конструкций («Sort Lines As Decimals (Comma) Ascending», «Sort Lines As Decimals (Dot) Descending», «Sort Lines As Integers Ascending») и композиционных схем («This file has been modified by another program. Do you want to reload it?»),

«*The current workspace was modified. Do you want to save the current project?*»), а также морфологические (существительные для кнопок-вершин меню, глаголы для действий-компонентов) и межсемиотические повторы (дублирование текста графическими знаками, знаков – текстовыми подсказками с идентичными лексемами). Средством поддержания единообразия также выступает использование маркеров вариативного содержания («плейсхолдеров»), вместо которых на сверстанном уровне ТИ подставляются числа, имена файлов, содержимое других элементов («*%s (%s bytes), %s lines.*», «*"\$STR_REPLACE" doesn't exist. Create it?*»).

В то же время, средства когезии с опущением части смысла / использованием замещающих слов, такие как референция (ретро- и проспективные вербальные указания на прочие элементы текста, выражающиеся заменами полнозначных слов местоимениями и их эквивалентами), субституция (замена словами с более общим значением) и (частично) эллипсис, в ТИ не используются либо используются только внутри крупных элементов (например, сообщений) («*Some of the specified files are already opened. Close them first.*»). Это продиктовано стремлением избежать двусмысленности и не скомпрометировать функциональную пригодность ПО: одновременно пользователь видит только малую часть текста, а постоянного контекста, создаваемого статическими элементами, может быть недостаточно для восстановления пути от замещающего слова до слова, которое оно замещает, а значит – для корректной интерпретации текста и решения задачи.

Таким образом, когезия в ТИ реализована вербально-графически с преобладанием графического компонента на синтагматическом уровне, что позволяет охарактеризовать ее как креолизованную.

В **подразделе 2.4.5** описан механизм обеспечения связности (цельности) ТИ в плане содержания. Она органически связана с моделируемым фрагментом предметной деятельности, подразумевающего единство целей, объектов, акторов, условий (хронотопа) и ожидаемых результатов, и поддерживается формальной структурой.

Фрагменты ТИ, кажущиеся разрозненными из-за краткости и формы, в конкретной ситуации использования приобретают необходимую связность. Логическая стройность поддерживается моделированием соответствия процесса и результата и экспликацией причинно-следственных связей в сообщениях интерфейса, а сбои в логике предупреждаются как ограничением возможности активации двух элементов одновременно (а значит, и выполнения двух операций), так и на содержательном уровне – отсутствием конфликтующих указаний.

Поддержанию смысловой связности также способствует подбор лексики согласно семантике и нормам языка: «кнопки» не только выполняют функцию номинации, но также выступают заголовками текстовых фрагментов и вступают с ними в синтагматические отношения, маркирующиеся соответствующей лексикой (например, в подменю «*File*» перечисляются действия с файлами, передающиеся лексически сочетающимися глаголами).

Тема-рематическое развертывание ТИ обеспечивается механизмами обратной связи от системы: выводением на экран сообщений и уведомлений, передающих новую информацию, а также движением по гиперссылкам. Каждый цикл обратной связи объединен одной операционной микротемой («создание файла в нужной кодировке», «сохранение файла с заданным именем» и т. д.), а членение содержимого на «страницы»-состояния обеспечивает наличие на экране смыслового контекста. При этом последовательности элементов могут быть интерпретированы в зависимости от ситуации использования («Файл можно создать, открыть, сохранить» или «Сначала файл надо создать»).

Немалую роль в поддержании когерентности ТИ играет связность используемых визуальных и вербальных метафор и лексическое/орфографическое единообразие (например, единообразное написание *plugin* или *plug-in*).

Единообразие, повторяемость и алгоритмичность всех описанных средств, а также общность лексики, морфологии и синтаксиса между функционально сходными фрагментами ТИ

создают паттерны, позволяющие адресатам за счет механизма антиципации быстрее интерпретировать функции отдельных элементов, а для фрагментов одного назначения, не находящихся на экране одновременно, – идентифицировать контекст этапа задачи.

В качестве итога по разделу высказано мнение, что в ТИ имеет место баланс двух тенденций текстопостроения: 1) стремление к эффективному использованию коммуникативного пространства и языковых средств с учетом вариативности подзадач пользователей; 2) стремление к контролю операций и вовлеченности пользователя для сохранения функциональности ПО, выражающееся в ограничении произвольности чтения, поддержании устойчивого контекста, а также в отказе от средств, потенциально вызывающих трудности когнитивной обработки. В совокупности со спецификой делимитации, членности и привлекаемых средств обеспечения связности это позволяет выделить их в особый тип текста – «интерфейсный текст».

Далее в **разделе 2.5** рассмотрены межтекстовые связи, в которые вступают ТИ, и их роль в поддержании стабильного контекста интерпретации.

В **подразделе 2.5.1** описаны межтекстовые связи между отдельными ТИ.

Интерфейсы можно объединять в группы (в т. ч. в отношениях «общего – частного» и дополнения) по назначению, при этом каждое ПО (и соответствующий ТИ) может существовать одновременно в нескольких версиях: по типу адресата или времени обновления. Единство внутри этой системы поддерживается общими семиотическими и языковыми средствами, что обеспечивает легкий переход от одного продукта к другому, а также их комбинирование. Внутри групп (и часто вне их) ТИ имеют схожую структурную организацию, общую лексику, общие метафоры и даже общий текст.

Подобная полифоничность обеспечивается как осознанно, так и бессознательно, по принципу преемственности: авторы интерфейсов осознанно ориентируются на продукты от флагманов отрасли и формализованные руководства, находящиеся в открытом доступе (например, от Microsoft), но также естественным образом являются пользователями и привносят в ТИ результаты своей рефлексии и интроспекции, обеспечивая непрерывный континуум используемых в интерфейсах паттернов и языковых решений.

Базовые принципы создания ТИ (обращение к понятной аудитории знаковой системе и метафорам; предпочтение вербального содержимого графическому; использование слов, фраз и композиционных единств по правилам языка; достаточность и повторяемость информации; предсказуемость поведения системы; наличие статического содержимого и «инерция экрана»⁵; простота выражения управляющих команд и т. д.) были сформулированы бихевиористами еще в конце 70-х годов XX века. В дальнейшем они были дополнены рекомендациями соблюдать единообразие лексики и синтаксиса не только внутри одного интерфейса, но и между продуктами (например, у Р. Харриса). Многократное воспроизведение этих принципов, «хороших практик», вербально-графических паттернов и цитирование прочих ТИ придает дискурсу интерфейсов как совокупности ТИ стабильность, упрощающую их интерпретацию.

В **подразделе 2.5.2** охарактеризованы связи между ТИ и эксплуатационной документацией (ЭД) в бумажном/веб-формате и в виде файла «Справки», задача которой – компенсация потенциальной «неинтуитивности» ТИ и недостаточности встроенного механизма обратной связи для разрешения вопросов и затруднений.

Рефлексивность ЭД, ее частичное содержательное и формальное тождество с ТИ и неспособность выполнять функции в отрыве от ТИ позволяют отнести ее ко вторичным текстам, а именно – метатекстам. В ней получают вербализацию имплицитные смыслы, заложенные в последовательности элементов ТИ (например, «*File > New*» вербализуется и амплифицируется до «*To create a new file, go to File->New or press *»), вербализуются и фиксируются маршруты движения по гиперссылкам в рамках одного процесса («*1. Select the Customize command under the*

⁵ Возвращение системы к предыдущему состоянию.

Tools menu. 2. Select the File page.»), вербально фиксируются не зависящие от пользователя процессы (*«icons whose extension have been associated with EmEditor will change to the specified»*).

При этом содержательная разница между ТИ и ЭД может заключаться во включении информации, не передаваемой ТИ: о пользе для пользователя (*«This is useful to allow certain modifications and visual aids to be applied specifically designed for that language.»*), характеристиках связанных объектов (*«Note that all plug-ins are open source»*), о связи с внешним контекстом (*«...as in most programs»*), предпосылках отдельных реализованных решений (*«Why both messages and notifications?»*), предыдущих версиях ПО, политике его использования, каналах для разрешения ситуаций сбоя и т. д., что погружает интерфейс и само ПО в более широкий контекст и задает рамку его восприятия, т. е. придает документации паратекстовый характер.

В то же время, ТИ и ЭД имеют общее назначение, адресата и (коллективного) адресанта, в виде «Справки» связаны гиперссылкой и по стандарту ISO/IEC/IEEE 24765 являются частью одного продукта, т. е. имеют темпоральную и локальную общность, а значит – проявляют свойства сверткста, в котором интерпретация взаимообусловлена: документация опирается на содержание интерфейса, которое, в свою очередь, в документации эксплицировано и получает дополнительные пояснения.

Эта общность позволяет рассматривать их как единый продукт дискурса.

В завершение в **разделе 2.6** проведена типологическая параллель между ТИ и документными текстами (ДТ) на основании выделяемого Е. С. Буслаевой свойства «документности»: общности проявлений свойств структурности, функциональности, информативности, стилевой отнесенности, а также системности⁶.

Продемонстрированы общность принципов структурной организации ТИ и ДТ (внешняя регламентированность формы и содержания; наличие реквизитов; принципы и прагматические установки структурирования; локальная самостоятельность и относительная независимость фрагментов; креолизованность, единообразие и алгоритмичность использования языковых и графических средств), их функций (моделирование реальных событий обыденного характера, прескриптивность, информативность), общее тяготение к информационной насыщенности и информативной избыточности (но приоритет достаточности и доступности), а также близость их функционально-стилевой специфики, объединенной прагматическими установками объективности, точности, ясности, безэмоциональности, безоценочности, с тенденцией к отклонениям от норм письменного литературного языка.

Отмечено, что и ТИ, и ДТ могут объединяться в интертекстуально связанные функциональные группы, а также порождать вторичные тексты посредством механизма адаптации. В сочетании с интертекстуальностью это обеспечивает более широкие возможности интердискурсивных пересечений, как обеспечивающих стабильность дискурса интерфейсов, так и задающих векторы его развития.

В **выводах к главе 2** приведена полевая модель дискурса интерфейсов.

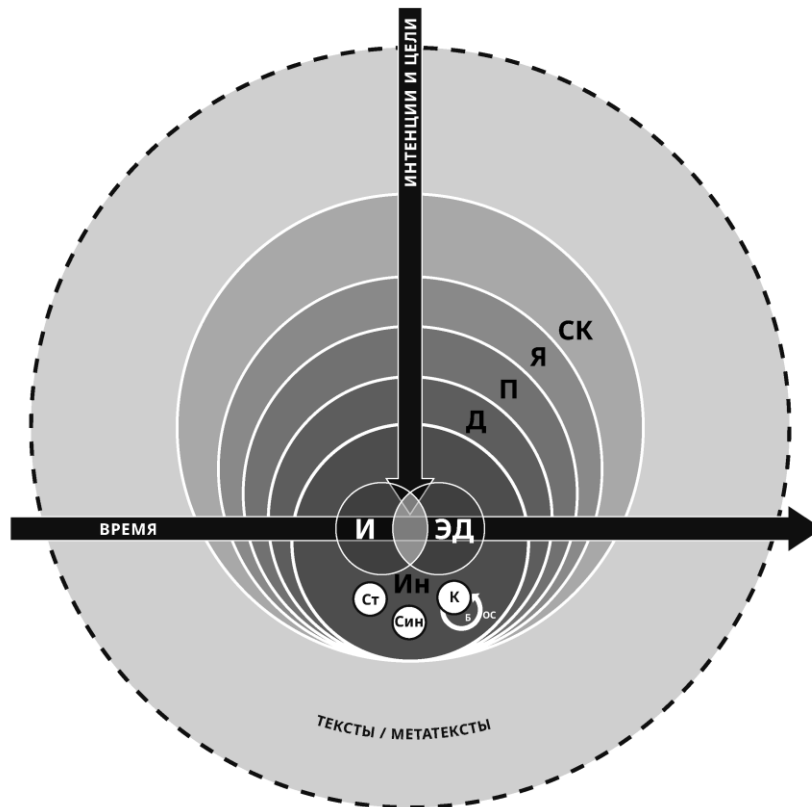
В ядро модели помещен аспект инструментальности, получающий реализацию в сверткстовом комплексе ТИ и эксплуатационной документации (на рис. 1 обозначен пересечением кругов **И** и **ЭД**, заключенных в круг **Ин**) и маркирующийся особенностями поверхностной структуры и специфическим синтаксисом ТИ, а также «отрицательной» экспликацией коммуникантов (обозначены белыми кругами в ядре **Ин**). При этом коммуникативность интерфейса (обозначена буквой **К**) поддерживается осознанием коммуникантами бенефактивности (**Б**) и дополнительными петлями обратной связи (**ОС**), отраженными дугой при круге **К**. Смежно с центром модели послойно располагаются аспекты связанной деятельности (**Д**) и предметной сферы (**П**), задающие содержание интерфейса и

⁶ В документной лингвистике, в частности у Е. С. Буслаевой, – «обязательная связанность с другими документами, включенность в определенную группу (систему) документов, отражающих процесс деловой деятельности».

обеспечивающие его контакт с прочими дискурсами. Прочие аспекты: языковой (**Я**), задающий репертуар языковых средств, социокультурный (**СК**), ограничивающий этот выбор и выбор метафор, и прочие находятся на периферии, погружая интерфейс в более широкий контекст речетворческой деятельности.

В такой модели стабильность дискурса интерфейсов в диахронии обеспечивается континуумом ТИ, создаваемых по полифоническому принципу, и общностью стратегий создания (в т. ч. в руководствах, стайлгайдах, статьях, учебниках). Этот аспект передан в виде круга с пунктирной линией, охватывающего условно фиксируемый промежуток времени, которое, в свою очередь, обозначено стрелкой слева направо.

Вариативность, необходимая для конкурентоспособности и развития интерфейсов, задается интенциями стейкхолдеров, обозначенными стрелкой сверху вниз как метафорой «спускаемых требований», релевантных для отдельных интерфейсов. Также, поскольку аспекты деятельности, предметной сферы, языкового и социокультурного контекста, с одной стороны, влияют на формирование интенций и требований, а с другой – более вариативны, они тоже расположены в модели по вертикали, соединяясь в нижней точке с устойчивым, «заземленным» инструментальным ядром дискурса. Подобные факторы вариативности не нарушают континуума дискурса даже при многократном повторении, поскольку отдельные интерфейсы становятся частью стабильного континуума.

И – интерфейс; ЭД – эксплуатационная документация; Ин – инструментальность; Ст – структура; Син – синтаксис; К – коммуниканты; Б – бенефактивность; ОС – обратная связь; Д – деятельность; П – предметная сфера; Я – языковой контекст; СК – социокультурный контекст

Рисунок 1 – Модель дискурса интерфейсов в контексте коммуникации между разработчиками и пользователями

В **заключении** подведены итоги исследования и намечены перспективы исследования интерфейсов ПО в лингвистическом аспекте. Утверждается, что интерфейсы могут и должны рассматриваться как тексты в научном понимании. Отмечена смежность и взаимовлияние

коммуникации посредством интерфейса и КОК как параллельных процессов на экране одного устройства и источников семантического приращения. Высказывается наблюдение, что стратегии создания ТИ отражают современные социокультурные тенденции, демонстрируя, как развитие общества обнаруживает себя даже в текстах инструментального характера, и мнение, что понимание межтекстовых связей, в которые они вступают, позволяет более глубоко осмыслить роль интерфейсов в современном обществе и оценить их влияние на формирование культурных и социальных норм. При этом отмечено, что выявление специфики ТИ позволяет ответить на вопрос о способе распознавания ТИ среди других типов текстов даже при утрате внешней графической формы, что особенно ценно для переводческой отрасли.

РАБОТЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук:

1. **Крапивина К. П.** Текстуальность интерфейсов классических (desktopных) программных приложений: формальный аспект / К. П. Крапивина // Вестник Томского государственного университета. – 2024. – № 504. – С. 21–29. – DOI: 10.17223/15617793/504/2. – 0,81 а. л.

Web of Science: **Krapivina K. P.** Evaluation of classical (desktop) user interfaces textuality: The formal aspect / K. P. Krapivina // Tomsk State University Journal. – 2024. – № 504. – P. 21–29.

2. **Крапивина К. П.** Стратегии создания интерфейсных текстов: сравнительный анализ профессиональных статей на русском и английском языках / К. П. Крапивина // Виртуальная коммуникация и социальные сети (Virtual Communication and Social Networks). – 2025. – Т. 4, № 1. – С. 13–22. – DOI: 10.21603/2782-4799-2025-4-1-13-22. – 0,83 а. л.

3. **Крапивина К. П.** Документность как типологическая характеристика интерфейсного текста (на примере текстового редактора Notepad++) / К. П. Крапивина // Вестник Томского государственного университета. – 2025. – № 516. – С. 24–33. – DOI: 10.17223/15617793/516/3. – 1,08 а. л. (*Web of Science*).

4. **Крапивина К. П.** Специфика межтекстовой связи между интерфейсами программных продуктов и пользовательской документацией / К. П. Крапивина // Казанская наука. – 2025. – № 7. – С. 494–496. – 0,24 а. л.

Публикации в прочих научных изданиях:

5. **Крапивина К. П.** Текстуальность интерфейса пользователя в контексте переводческой деятельности / К. П. Крапивина // Современная лингвистика : от теории к практике : труды и материалы III Казанского Международного лингвистического саммита. Казань, 14–19 ноября 2022 г. – Казань, 2023. – Т. 3. – С. 73–76. – 0,16 а. л.

6. **Крапивина К. П.** Позиция начала текста в интерфейсе пользователя классического программного приложения: функциональное обоснование / К. П. Крапивина // Актуальные исследования языка и культуры: теоретические и прикладные аспекты : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Санкт-Петербург, 07 апреля 2023 г. – СПб., 2023. – С. 129–133. – 0,18 а. л.

7. **Крапивина К. П.** Специфика гипертекстуальности интерфейсного текста (на примере текстового редактора EmEditor) / К. П. Крапивина // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сборник материалов X (XXIV) Международной научно-практической конференции молодых ученых. Томск, 13–15 апреля 2023 г. – Томск, 2023. – Вып. 24. – С. 110–116. – 0,24 а. л.

8. **Крапивина К. П.** Интерфейс программного обеспечения как текст: аспект связности / К. П. Крапивина // Вестник факультета социальных технологий и экономики данных : сборник научно-теоретических статей XXVI Международного Балтийского коммуникационного форума. Санкт-Петербург, 06–07 декабря 2024 г. – СПб., 2024. – С. 476–480. – 0,33 а. л.

Издание подготовлено в авторской редакции.
Отпечатано на участке цифровой печати
Издательства Томского государственного университета
Заказ № 7930 от «11» ноября 2025 г. Тираж 100 экз.
г. Томск, Московский тр. 8, тел. (3822) 53-15-28
publish.tsu.ru